

Великой Победе 65. Купавки.

Опубликовано пн, 23/08/2010 - 00:11 пользователем Гость (не проверено)

Уральцам, не вернувшимся с войны, посвящается.

Только что прошла одна из первых гроз, тяжело надвигающихся на город, но всегда приносящих с собой свежесть весны и радость обновления каждой душе, способной почувствовать себя частицей большого и доброго мира.

Один из десятка бутонов лопнул во время грозы, и солнце, блеснувшее в проломы ещё не развалившейся тучи, скользнуло по головке цветка, отразилось в каплях воды, дрожащих на каждом свежем лепестке, скатилось вместе с каплей к основанию бутона, повисело долю секунды и упало в потрескавшуюся, грязную от сырой земли ладонь.

Лицо старухи было мокро от дождя, и никто бы не заметил слезы, скатившейся по щеке и соединившейся в ладони с солнечной каплей, упавшей с цветка. Женщина растерла лужицу в руке, вздохнула и вновь стала садовым ножом тщательно рыхлить землю вокруг неброского куста, на котором распустился лишь один солнечный цветок.

Город наступал на покосившийся забор садика мокрым асфальтом, текущим вдоль окон домика, звоном трамваев, бегущих по людским делам, вымытыми окнами - девятиэтажных пластин, разрезающих старый пригород на огромные доли.

Дождь кончился. Старуха принесла скамеечку, поставила рядом с грядкой, села, подперла подбородок рукой и задумалась. Выла такая же весна - синь, словно рождённая первой грозой, растекалась по небу. Хлопнула калитка. По тропинке к крыльцу зашлёпали босые мальчишечьи ноги. Женщина, выйдя на крыльцо, строго взглянула на мокрого паренька:

- Где ты ходишь? - Парнишка насупился, скинул мокрую рубаху, подогнул сырые штаны, подошел к отгороженной, поставленной на ребро доской полоске земли под окном и начал ковырять рукой землю.

- Не ройся, я там посадила астры. И убери эту траву. - Мальчишка не ответил, прошёл вдоль самодельной клумбы в угол, образованный кержацким забором и стенкой дома и на самой черте вечной тени и света стал вновь ковырять землю, всем своим видом показывая, что он подчинился воле матери и садит свою "зеленую дрянь" в углу, где никакие астры расти не будут. Но украдкой глядя на мать, всё время ковырял землю всё дальше в солнечную сторону, выигрывая необходимые сантиметры освещенного солнцем пространства.

Женщина посмотрела в сторону сына, что-то недовольно сказала, махнула рукой и прошла в раскрытую дверь дома.

Каждый день она, поливая астры, удивлялась живучести невзрачного кустика, на котором, к своему удивлению, обнаружила похожие на бледно-зеленые луковички бутончики и подумала, что во дворе городского, хоть и собственного домика, каждый клочок земли дорог, и если она посадила под окном астры, то только потому, что, по словам соседок, их можно продать, а в

большой семье, где мал-мала-меньше, каждая копейка на счету: и занимать землю всякой лесной травой всё же не стоило бы.

Прошло семь лет - женщина уже не думала о цветах, как о выгодном товаре для поддержания семейного бюджета: природная тяга человека к красоте победила житейскую мудрость, да и материально семья стала жить лучше. Старший сын, тот, что посадил траву, оказавшуюся нежным, тепло-желтым цветком, уже работал на заводе слесарем, помогал отцу с матерью и, казалось, забыл о своем цветке, посаженном на грани тьмы и света. А цветок каждую весну, вытягивая хрупкие бледно-зеленые шейки ростков в сторону солнца, убегая от тени, нежил в лучах свои бледные луковички и после хорошей грозы вырывался из одного-двух, а затем из всех бутончиков ярким желтым язычком. Солнце брало язычок, тянуло его лучами изо всех сил и вытягивало прекрасный яркий цветок - порождение первой грозы. Но проходило недели две, и последний майский гром звучал гонгом для каждого цветка, и они исчезали, словно и не было их никогда.

Для себя женщина уже давно окрестила цветок «майским».

... ..

Был май 39-го, улочки окраины большого города охрипли вместе с молодыми ломающимися голосами, поющими о разлуке, звенели гранёными стаканами и говорили хорошими, давно надоевшими, но необходимыми словами старших, напутствующих и наставляющих, из которых главными были: "Ну, ты смотри - не подведи", "Я в твои годы", "Пиши Федька" и долго ещё в том же духе.

У женщины были влажные глаза - Федя, её первый, уходил в армию. Отец всё рассказывал, как рубался с белыми.

- Нет, чтобы подсказать ребенку, что надо слушать старших, не выскакивать со своими словечками.

Сын улыбался младшим брату и сестренке, поддакивал отцу и соседу, у которого не было сына, зато была взрослая дочь - и, наконец, встал и пошёл к выходу. Мать поспешила вслед за сыном, с готовыми мыслями насчет почитания старших. Но сын опередил её.

- Мама, - зазвенело натянутой струной, - вон там, видишь, в углу "зеленая дрянь" - помнишь. Женщина удивилась странному голосу сына.

- Мама, эти цветы будут каждый май напоминать тебе обо мне, ты их смотри не выколи. - И, свернув грусть, рассмеялся. У матери легче стало на сердце, уж больно не понравилось поначалу ей настроение сына.

Потом он писал о какой-то финской войне, на которую его не послали, и он жалел об этом. Писал, что, демобилизуясь, приедет домой и засядет за книги, что семь классов - это очень мало, потому что, как говорит политрук, новая техника будет требовать знаний. Письма были с Украины, поняла мать по описаниям садов. А цветы сына приветствовали её желтыми головками в мае 1941 года так же, как в мае тридцать первого. И они радовались за своего благодетеля.

Но уже над всем мирным стояла беда ...

«Мама, у нас жарко, в обоих смыслах, отцу скажи, что в рукопашную не хожу, а луплю по ним из их же автомата, передайте привет всем знакомым. Мы идём к Смоленску, если будет время,

напишу. Смерть фашистским оккупантам!»

Треугольник со штемпелем "Проверено военной цензурой" и не очень хорошо зачёркнутыми словами "Мы идём к Смоленску" – вот и всё, что осталось от сына у матери.

Однажды соседка сказала: «Плохо приживаются эти цветочки, не обновляются они, состареются, и только зелень останется». – Женщина испугалась, вышла во двор и долго рыхлила землю вокруг зелёного куста, убирала мельчайшие щепочки и камешки, разминала меж пальцев комочки подзола. Но соседка ошиблась, цветы жили, их становилось всё больше, и они уже занимали треть полоски под окном.

Был вечер после очистительной грозы. Женщина стояла в ряду таких же, как она, старух, на самом людном месте улицы, в её руках были астры. Парочки разного возраста подходили и покупали цветы – брали такие же, как её Федя, парни, с жёсткими рабочими пальцами, в белых рубахах, расстёгнутых у ворота, с грубоватой нежностью в лицах.

А в это время под окнами маленького домика седой мужчина, отпыхиваясь от неудобного положения, вместе с парнем в милицейской форме и парнишкой лет тринадцати, подсаживал свежий зелёный пучок с маленькими, едва проклюнувшимися бутончиками, как две капли воды похожими на соседний, и, грозно пыхтя, говорил:

– Как Афанасьевна брякнула в сорок девятом, что цветочки не размножаются, мать побелела вся, затрясло её. Я тогда весь день проискал эти цветы, пока нашёл – фу, не могу. Генка, ты чего сжимаешь цветок, ты не пьяницу за шиворот держишь. Отдай Володьке, у него лучше получается. На будущий год сами посадите – мне гнуться тяжело стало.

Троица делала доброе и радостное дело – старуха зря боялась, что купавки умрут раньше её, и что вместе с ними умрёт память о Феденьке.

Память осталась жить в сердцах людей, в обелисках на могилах, укрытых весенними травами, в полевых и лесных цветах России, скромных и сильных, как те, что любили их, когда всё ещё было впереди.

Купавки мягко качнулись под налетевшим ночным ветерком, стебельки спружинили, новая волна предутренней прохлады подхватила лодочки лепестков и унесла их в вечность – май подходил к концу.

С. Сиротин

Категория:

[Краеведение](#) [1]

Source URL: <http://46.45.32.78:8080/news/velikoy-pobede-65-kupavki>

Ссылки

[1] <http://46.45.32.78:8080/mmc/kraevedenie>